

К Р И Т И К А

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: <http://zavtra.ru/>**

**По Невскому бежит собака.
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он её не укусил!**
Д.МИНАЕВ

События на Украине 2013-2014 годов всех нас или уже сделали другими или неизбегно должны изменить. Пытаясь уходить от острых вопросов, мы так и обречены будем озадаченно разводить руками: почему неонацизм, почему гражданская война, почему небывалый виток русофобии в единокровном народе?

Последнее представляется самым главным. Почему, являясь единым народом, русские так сравнительно легко позволили вначале разделить себя, а затем сделаться врагами?

После Украины делать вид, что процесс размыивания русского этноса не только нельзя, но и абсолютно преступно. Дескать, всё решили козни США, некие проплаченные агенты влияния и именно это инородное влияние оказалось решающим. Вложил, дескать, Господь США в расшатывание Украины денежки, вот и результат.

Сейчас, в самый разгар отчаянной борьбы Новороссии за свои права с нацистской хунтой в Киеве, очевидно, что говорить так — значит, на порядок упрощать ситуацию. Превращать её в некую конспирологическую конструкцию, по которой страны и народы — всего лишь фигуры на огромной шахматной доске,двигающиеся исключительно так, как им прикажут те, кто двигает своей рукой бессловесные и слепые фигуры.

В действительности, народы не слепы и не бессловесны. Только, если сами они не захотят стать слепыми или бессловесными. Народы наделены правом выбора и свободной волей точно так же, как и отдельные люди. А рассуждения о некоем “зombieвании” человеческой психики — не более чем интеллектуальная игра в бисер, поскольку согласно культа вуду ритуал zombieвания предполагает смерть объекта. Живой организм, принадлежащий человеку, народу или государству, не может быть zombieванным, являясь живым. Будем уж точны терминологически!

К тому же мотивы чужеродного влияния очень приятны для психики потенциально проигравших, позволяя перекладывать ответственность за собственные слабости и промахи на иные силы. Конспирология, по большому счёту, тем и притягательна, что позволяет оправдать любое собственное бездействие враждебными действиями их противников.

То всемирный масонский заговор, то жидомасоны, то евреи, то монадалисты, то Аллен Даллес, перечислять можно долго. При этом фактически получается, что подопытные народы и государства обречены на функции исключительно шахматных фигур на пресловутой шахматной доске Бжезинского. Бесконечные рассказы о беспредельном могуществе “неких сил” не просто парализуют волю, дезориентируют в историческом пространстве, но, заметим вторично, терминологически неверны!

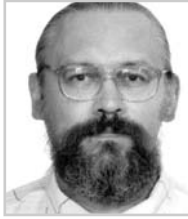
Человек, народы, государства — не шахматные фигуры, не марionетки из песенки Макаревича и уж тем более не простые статисты для избранных элит. И если они сами хотят быть шахматными фигурами или марionетками, то в этом кроется, прежде всего, их личный выбор. Первичен их выбор, а всё остальное приходит только потом, неизбежным последствием.

Показателен набор книг, которые ещё никому не известный Джек Лондон читал, отправляясь на Клондайк: “Капитал” Карла Маркса, “Происхождение видов путём естественного отбора” Чарльза Дарвина... Против Джека Лондона было всё — личная биография, обстоятельства, но он выжил, выстоял, и пусть занял 10 центов, чтобы купить журнал со своим первым рассказом, но не покорились правилам, которые составлял не он.

Русский народ и Россия вряд ли слабее Джека Лондона. Так почему же, спрашивается, вирус поражения, некоего бессилия перед внешним врагом частенько витает в мыслях и наст-

роениях? Почему в 99 процентов случаев даже самые последовательные борцы за русские идеалы предпочитают не выстраивать позитивную программу пути в будущее, а предпочитают тактическую возню на поле своих противников, по правилам своих противников?

Попробуем разобраться. И начнём с судьбы писателя Владимира Солоухина, подробно им изложенной в своём

Андрей КАНАВЩИКОВ

романе-завещании “Последняя ступень”, многократно переизданном со времени первой публикации в 1995 году и ставшем с тех пор в определённых кругах настольной книгой, как обозначал сам Владимир Алексеевич, “исповедью вашего современника”.

В романе очень честно и подробно описан процесс перерождения правоверного советского человека в монархиста, лениниста и коммуниста — в последовательного антикоммуниста, атеиста — в христианина. Ценность написанного Солоухиным в том, что он показывает буквально на пальцах физиологию своего духовного перерождения.

По словам писателя, свой роман-исповедь он задумал в 1973 году, когда в возрасте 49 лет перенёс операцию в онкологическом институте им. Герцена

и когда жить ему предрекали не более 6 месяцев: "...тебе дана дополнительная срок, чтобы ты написал свою главную книгу. К 1976 году книга была готова". Что же касается времени зарождения идеи романа, то эту дату автор относит к началу шестидесяти годов, обозначая тему термином “прозрение”.

Сюжет написанного несложен. С успешным советским литератором рвётся познакомиться некий фотограф, человек с сомнительными связями и кругом общения. А затем, в процессе тщательной идеологической обработки, вместо советского литератора на свет появляется другой Солоухин, антисоветчик и антикоммунист с полностью перевернутой системой прежних ценностей.

Процесс этого перерождения описывается Владимиром Алексеевичем с поистине научной методичностью, не упуская и не забывая ничего. Вначале некий поэт в ЦДЛ заговаривает о фотографe Кирилле Александровиче Буренине: “С тобой очень хотел бы познакомиться Кирилл Буренин”.

Солоухин знает эту фамилию автора “оригинальных, высокохудожественных, но будто бы очень спорных работ”, но приглашение вполне предсказуемо пропускает мимо ушей. Однако, сети плелись надёжно. Уже “через неделю-другую в том же Доме литераторов, когда я сидел совсем в другой компании, молодой поэт подошёл ко мне сзади и задыхал над ухом: — Кириша здесь. Может, подойдёшь к нам на пять минут, к нашему столу?”.

Казалось бы, заинтересуешь — походи. Но Буренин в лучших средневеково-окультистских традициях ждёт, чтобы Солоухин сам подошёл к нему. Так, например, считалось, что вампир, да и ряд другой нечисти, не могут сами подойти к человеку, призывая непременно его прийти или войти, сделать шаг, открыть дверь. На этой особенности взаимоотношений тёмных сил и человека построено немало жутковатых сцен у того же Брэма Стокера, автора образцового “Дракулы”.

Знает или нет Солоухин по подобной манере знакомства упырей с Божьими созданиями неизвестно, но с русым, голубоглазым Бурениным (“...светлый клетчатый, несколько бросающийся в глаза костюм, а вместо галстука — шарфик на французский манер”) они встречаются именно так. С изрядной примесью булгаковского Воланда, в том числе.

Дословно: “Когда я пошел к ним и мы друг другу представились, он остановил на мне свой синий и пронзительный взгляд, словно затеял сеанс гипноза”. Затем в пространство вбрасыва-

ется самая шикарная наживка, какая только может приманить писателя: “Единственный русский писатель. Ли-за, кажи!”.

Синеглазая, темноволосая супруга Буренина — Елизавета Сергеевна, наносит контрольный выстрел: “Да, мы считаем, что это так. В то время, когда все пьшут о газопроводчиках и комбайнерах, вы единственный поднимаете голос в защиту русских церквей, русской природы, старинных парков, вообще всего русского”.

И вот уже растаявший от похвал Солоухин мысленно величает незнакомого ему Буренина просто “Кириллом”

Читая Солоухина

(словно с чёткой отсылкой к просветителю Кириллу, соратнику Мефодию). А означенный Кирилл в центре Москвы, в шестидесятые-то годы, этак спокойнo поясняет парящему на крыльях похвал молодому автору:

— Мой министр пропаганды. Мой Геббельс.

И правоверный советский автор Солоухин с лёгкостью заглатывает и эту психологическую наживку. Ничуть не обижаясь на употребление столь одиозного даже для нынешнего плюралистского времени имени. Рассуждая: они меня хвалят, значит, они — хорошие люди.

Интересно, что герой рассказа Шухшина про колечатые валы, относящегося примерно к тому же времени, в подобной ситуации готов был на драку. И всё только потому, что лыйсь его собутыльник не верил в коммунизм. Солоухин же, “член ВЛКСМ с 1939 года, член КПСС с 1952 года, член Союза советских писателей с 1954 года, член редколлегии “Литературной газеты”, заместитель председателя Московской писательской организации, член Комитета по присуждению Ленинских премий” с покорностью кролика проглатывает ссылку на авторитет Геббельса.

Шутник Буренин явно знал, кого к себе звать. Эмоциональный, увлекающийся, явно очень талантливый, входящий в элиту молодой советской литературы, Солоухин банально клянул на личные восторги и уже при первом же разговоре подвинул своё советское куда подальше. Геббельс? Ну, и ладно.

А Буренину попытка счастья более чем стоила. Помимо уже состоявшихся карьерно-творческих высот автор “Владимирских просёлков” писатель Солоухин приглашался Симоновым в “Новый мир”, ректором Литинститута приглашался на должность проректора по Высшим литературным курсам, в “ПГ” ему поручали писать передовицы по встречи с Хрущёвым, а Всесоюзное радио брало у него интервью с Красной площади по случаю демонстрации трудящихся.

Словом, Солоухин находился на очевидном подъёме, в обьёме самых приближенных к идеологическим высотам. С одной стороны, откровенно талантливый, а с другой, — “неопытен и наивен”. Невозможно без улыбки читать простодушную историю Владимиру Алексеевичу про то хотя бы, как в разведальное всё того же ЦДЛ он взялся просить стихи у Яшина для “ПГ” в день выхода в той же “ПГ” разгромной статьи “Снимите чёрные очки”, направленной против Яшина.

“Святая простота” говорили в средневековье, когда тихая старушка тащила к костру еретики вязанку хвороста, чтобы отступник сгорел вернее. В советском СССР термины были другими, но собеседник за словом в карман тоже не пошел:

— Как не стыдно? Это что, издевательство? Утром облить грязью, а в обед предлагать сотрудничество в той же газете. Это бесовство.

Впрочем, Солоухин, как видно, был далёк тогда от таких абстрактных материй типа “совести”. Он обедал себе в буфете для членов редколлегии, получал продуктовые заказы (“большая картонная коробка, на которой сверху карандашом было написано моё имя”), пользовался “великолепную дачу”, выполнял служебной машиной. Нет, терзания, конечно, некоторые присут-

ствовали, но весьма смутные, не слишком обременительные для души.

Зато в избытке значится жалости к себе любимому, вынужденному “отрабатывать корм” (так и говорит писатель, этаким животноводческим термином!), словно на той же встрече творческой интеллигенции с Хрущёвым душами писательскими торговали оптом и в розницу, расписываясь кровью в ведомостях на получение “больших картонных коробок”.

Солоухину даже в голову не приходит, что его репортаж со встречи с Хрущёвым — ценнейший документ времени, летопись времени, имеющая

громадное информационное значение. Можно как угодно относиться к любому руководителю страны, но он — руководитель страны и всё, что он скажет и сделает, — имеет значение. И, может быть, донести до своих читателей то, что видел сам и что читатель не увидит, — есть не только поглощение некоего “корма” и некая обязательная сделка с совестью?

Владимир Алексеевич так стыдится своих юношеских публикаций, что нелегко за него делается. Конечно, художественное качество написанного им не впечатляет. Тем более, если учесть, что весь тот восторженный бред он говорил в адрес Хрущёва, кровавого мясника украинских репрессий. Конечно, и журналистский элемент в его восторженных опусах не самого высокого пошиба.

Но публикация в газете содержала перечень фамилий присутствующих, слова ими сказанные, характерные эпизоды встречи, то есть в полной мере отвечала требованиям, предъявляемым к газетной публикации. Вот Ворошилов поёт с композитором Данкевичем, вот после полнучки все садятся за стол под широким шатром, вот слово берёт Брежнев... Иначе говоря, “ПГ” добротнo и в рамках своей журналистской задачи осветила прошедшую встречу руководства СССР со своим идеологическим обеспечением.

Называть всё это “отработкой корма” (“Встал на стезю верной службы — служи. Ключёшь с руки — отработывай корм”), то есть называть так своё прямое исполнение служебных обязанностей, — по меньшей мере двусмысленно. Тут не корм, тут зарплату следует отработывать! Или ходить на работу и не работать позволялось тогдашним КЗoТом? Как-то крайне деревянно и пакостно Солоухин акценты в своём романе расставляет.

Дескать, от одного факта написания текста с фамилиями руководителя в не критическом контексте следует оправдываться. Извиняться от факта наличия такого текста. Дескать, правда может быть только критическая и только зная, только разоблачительная и только злободневная.

Так ли это? Конечно же, нет. Всеволод Овчинников, патриарх нашей международной журналистики с 60-летним профессиональным стажем рассказывал в 2012 году: “Молодые коллеги порой удивляются: как удавалось мне 40 лет говорить своим голосом в жёстко регламентированных советских СМИ? И я отвечаю: коконом, который защищал меня от цензуры, была моя компетентность в проблемах Дальнего Востока”.

С журналистом солидарен и писатель Сергей Есин: “настойчиво утверждается мнение, что, мол, талант потому и развивается, что ему надо было преодолевать беспощадность цензуры. Это нет так.

Однажды я спросил у Сергея Павловича Залыгина, много ли у него выбрoсила цензура? Он сказал, что за всю жизнь, изо всех произведений, вместе взятых, — полстраницы. Не думаю, что у кого-то повернётся язык упрекнуть Сергея Павловича в приспосовленчестве. Он писал правду жизни, боролся за сохранение природы...

Понимаете, это большой талант — уметь сказать всё.

Наши писатели-диссиденты Аксёнов, Войнович, Довлатов не хотели разговаривать с читателем, они умели

только прокричать.

Чего не сумел сказать Михаил Шолохов? Он всё сказал.

А чего не сказал Василий Белов? Он сказал гораздо больше Аксёнова, издававшегося на Западе”.

Солоухин в отличие от своих коллег Овчинникова и Есина чрезвычайно простил ситуацию. Довёл её до простенькой элементарной схемы. Однако, жизнь — не схема. Опять-таки выступает в действие человеческий принцип выбора. Честно выполняя свою работу в рамках должностных обязанностей или держа фигу в кармане, считая, что отработываешь какой-то “корм”. Полагая во втором случае, что убавление своей работы “кормом” избавляет от каких-либо мук совести и профессиональной компетентности.

Понятно, впрочем, что так радикально писатель Солоухин начал думать уже в 1973-1976 годах, а не в шестидесятые, но эволюция подходов прослеживается чёткая, и, наверняка, даже в шестидесятые что-то уже подсказывало Буренину: это — твой кадр. Почувствовал, видимо, фронт в клетчатом джеке, что нет у Владимира Алексее-

вича при всей талантливости его и эмоциональности — глубины чувствований. Нет крепости советских идеалов, нет стержня.

“Я и опомниться не успел, как сделался комсомольцем. В техникуме. Все должны быть комсомольцами. Никому и в голову не приходило, что можно взять и не быть. Даже трудно себе представить”, — рассказывал Солоухин.

Пожокий автоматизм сработал и в случае с приёмом в ряды КПСС. Шуртаков и Парфёнов написали рекомендации, дело передали в райком и вот уже на свет является молодой коммунист Солоухин. который пытается сводить дело своей советской правоверности к юношеской наивности и неопытности, но как-то неуверительно у него получается.

То Кривичий (“умная рыжая лиса”) говорит о Солоухине Симонову: “Всё понимает”. То у самого писателя проывается признание в своей необычайной гибкости духовной: “С одной стороны, я возжу компанию с Фировым или Чувым (Грибачёвым, Стаднюком, Алексеевым, Закруткиным), с другой стороны, отвожу душу в разговорах с Яшиным, Натальей Иосифовной Ильиной, с тем же Дудинцевым”.

Нет, что ни говорите, а Кирилл Буренин знал, к кому обращаться. Почувствовал слабость, понял, что нет в одном авторе стали, а есть в горате больших количествах — интеллигентский пластилин, податливость на влияние, на похвалы, попытка и блага от властей получить, и фигу свою из кармана не выронить, баюкая совесть руганью насчёт “корма”.

Характерным выглядит и тот факт, что отдельной темой своего романа-исповеди Солоухин избрал тему еврейства, подробно расписывая, где, когда и с кем из лиц еврейской национальности он сталкивался. К чему бы писателю такая статистика? Кому он

что доказывает?

Вроде бы говорит, что он ко всем людям относится одинаково и тут же тщательно выписывает сценки с русскими заведующим отделом литературы и искусства “Комсомольской правды” и его литконсультантом-еврейкой, которая всячески противилась публикации знаковых стихов Солоухина “Дождь в степи”. С окончательным выводом: “Вообще же говоря, если взять несколько точек моей биографии, где мне наиболее напакоости, то отчётливо получается, что помогли евреи, а пакостили свои же русские”.

При этом, чтобы уже совсем никто не сомневался, прилагается и перечень русских пакостников: "...вместо отдельной квартиры подосунул мне сожительство с Евдокимовым Василий Александрович Смирнов”.

Отвёл от присуждения Ленинской премии своими выступлениями Николай Матвеевич Грибачёв.

Оклевывает в своём пасквилином романе (хотя и под другим именем) Всеволод Анисимович Кочетов. Написал доносное стихотворение о моём перстне с изображением Николая II хоть и не антисемит, но всё-таки Степан Петрович Шипачёв”.

Очень странно весь этот солоухинский поминальный выпад. Болезненно-возбуждённое в нём слышится. И венчает всё повторное утверждение одного и того же, чтобы не дай Бог кто-то не пропустил фразу, сказанную парой страниц ранее: “Жизнь сложна. Но я не могу сказать, что в этой жизни евреи мне всегда пакостили, а русские делали добро”.

Скорее наоборот. По крайней мере, явно. Так что наши антисемиты считали меня ко времени знакомства с Кириллом Бурениным едва ли не продавшимся евреям, потому что, и правда, ко многим из них на глазах у всего Союза писателей у меня сохраняются прекрасные отношения”.

Уже было ведь про всё это сказано, однозначно и определённо, зачем, спрашивается, нужен повтор? Какую цель он преследует? Не ясно. Зато обидно очень даже свежа и желание сказать обидное своим недругам очень даже прочитывается.

Нет, Кирилл Буренин не ошибся. Он знал, кого звать к себе в трёхкомнатную квартиру-мастерскую на восьмом этаже здания по проспекту Мира. Знал, что голова нестойкого марксиста-ленинца Солоухина закрутится здесь. Знал и куражился по полной программе:

“Все, кто приходит впервые, удивляются, откуда у меня мастерская. Нашёлся добрый человек с большими возможностями, устроил меня работать в МИД. Показываю удостоверение для полной ясности. Вот. Во-первых, делать портреты дипломатов, посольских жён и детей. Во-вторых, скучающих посольских жён и детей обучаю художественной фотографии. Шёлкать затвором умеет каждый, делать художественные снимки уже труднее. Иметь своё лицо здесь, как и во всяком искусстве, дано единицам. Так что вот, тружусь на благо великого коммунистического Отечества, Родина приказала. Как говорил Пушкин: “Поцелуй ручку и плюнь”. Окружён иностранцами. Через сорник минут приедут журналисты из “Фигаро”. Муж с женой. Познакомлю. Сволочи, гады, капиталистическая интеллигенция. Она русская про происхождения. Белоземгранская сволочь. Золотая женщина. Умница. Любит Россию. Пушкина шпарит наузсть. Фашистка...”

Член КПСС Солоухин и после такого пассажа не ушёл. Не насторожился и ничего не возразил. Всё ведь логично: если его хвалят, то это — хорошие люди. Всё логично.

Без особых проблем заглатывает писатель и все следующие наживки. Покрутится ради приличия и снова заглатывает. И обнажённую натуру вместе с бараками на окраине, что он видит на фотографиях Буренина. И мировоззренчески более сложные понятия.

Главное не останавливать калейдоскоп впечатлений, продолжая удивлять и подавлять и без того некрепкое идеологическое существо Солоухина.

(Газетный вариант. Полностью см. на нашем сайте denlit.ru)

О романе Владимира Ремизова “Воля вольная”

Прочтение романа Владимира Ремизова “Воля вольная” требует усилия. Дело в том, что в фундамент текста не “залит” лихо закрученный сюжет или броские, врезающиеся в

О чём и говорить, если невозможность лучшего будущего звучит и из уст, пожалуй, самого необычного героя романа Жебровского, владельца огромной квартиры в центре Моск-вы, взявшего за привычку ездить на зимнюю охоту в таёжные дали. “В России”, — рассуждает он, — власть всегда была священной коро-

Шум ветра и рев дикого зверя

память языковые решения. По сути, в тексте нет ничего, что могло бы привлечь массового читателя, кроме разве что, по меткому выражению издателя, “воровской тоске русского мужика по воле”.

Чего здесь в избытке, так это Большой Рос-сии, так называемого замКАДья, с устоявшимися десятилетиями, если не веками проблемами, несурзацими и противоречиями, где каждый зависит от каждого, а все участники жизненного цикла повязаны цепью чаще всего вынужденных отношений.

В “Воле вольной” нашлось место и ментам, ставшим “противоположностью вольной природы”, и браконьерам в тайге, где “каждый был за себя и не то, что соседу, а и жене не доверял”, и многочисленным описанием природы, от которых поневоле захватывает дух.

Даже место издания романа, а это непри-вычный столичному взгляду Хабаровск, будто бы призвано напомнить о том, из каких, часто плохо скроенных между собой, кусочков состо-ит наша страна, и как сложно, читай невозможно, в ситуации взаимного непонимания грамот-но управиться с этой безразмерной машиной.

В чём причина этой неустроенности и всеобщего дискомфорта? В противоречии, сформированном героями романа, где “меж теми людьми, что смотрят на небо из московских кабинетов... и дядя Сашей, гремачиком сейчас по тайге старым железом, нет ничего общего”, как нет ничего общего между десятками тысяч других людей, выполняющих чью-то волю за тридцать земель от центра принятых решений. При этом “нынешняя власть и вообще нынешнее положение дел довольно точно соотносятся желаниями и представлениями о благополучии абсолютного большинства российских граждан”.

Арслан ХАСАВОВ

Поэзия Юрия Перминова

Современная поэзия очень часто стремится уйти из пространства смыслов и с каким-то плохо объяснимым сладострастием погружа-ется в мир вещей. В этом есть черты своего рода “материалистического блуда”. Мысль на-ходится не только в пограничном состоянии — на неё навалены груды земного мусора, бесчис-ленные предметы, которые нас окружают, а стихотворец подобен старьевщику или про-давцу комиссионного магази-на: вещи, ничего, кроме вещей и лёгкой грусти, дающая рука берёт одно и откладывает в сторону другое. Такое состояние лирики вызывает в памяти сакрментальную фразу: больной скорее мёртв, чем жив.

Есть и другие стихи, в которых бушуют эмо-ции, гнев или горечь насыщают слова. Но они — словно фантомы литературы, полупрозрач-ные: сквозн них виден реальный мир, где пред-меты связаны в одно целое человеческим чув-ством, и именно оно даёт им число и меру подробности. Эта чуть отдалённая от литера-турного опуса картинка шумит и дышит, меня-ет свои очертания — то мало-помалу, то резко, в считанные мгновения становясь неузнавае-мой. Вот такие бы свойства найти в литерату-ре, в поэзии — и тогда жизнь обрела бы своё чудесное зеркало: когда — бытийное, когда — сиюминутное, сопряжённое с короткой челове-ческой жизнью...

Между тем, русская поэзия наших дней свя-зана со многими именами, которые в полной мере отвечают подобным чаяниям. Среди них — омский поэт Юрий Перминов. Долгое время его стихи как бы обретали собственное худо-жественное правило: выверялась интонация, ставилось лирическое дыхание. Собственно, все те признаки его стихотворений, которые можно обозначить теперь как “авторское пись-мо”, были и прежде.

Но переливы поэтического голоса, то корот-кая, то длинная речь, степень погружения в ат-мосферу повседневности и способность воспа-рять над плотной реальностью — всё это складывалось годами и десятилетиями, по-скольку тут важна мера каждой составной час-ти стиха и способ соединения деталей в вол-

шебное и воздушное целое.

Юрий Перминов опубликовал восемь поэти-ческих сборников, а в начале осени 2014-го вышла в свет большая книга его избранных стихотворений “Песни русской окраины”.

*Посёлок мой ночными дышит снами,
не слышно никакого воронья.
С бессмертными робкими небесами
сливается окраина моя.*

Песни русской окраины

*Полночный свет расходится кругами —
Господь рассыпал звёздную крупу...*

*Земли не ощущая под ногами,
не выйти на небесную тропу.*

В этих титульных для издания строках мож-но найти множество примет поэзии Пермино-ва как таковой: сближение земли и неба; обы-денные приметы — и чувство Бога; социальное и сокровенное; любовь к простому человеку... И — сознание собственной “певческой” роли: обозначить простыми словами, как взаимно переплетаются малое и великое, не разрушая и не подавляя друг друга, но существую в пре-делах большой, протяженной в веках русской жизни.

В стихах поэта очень много бытового — но за ним всегда угадывается бытие. Хватает свар-ливых характеров — но в их глубине скрыто твёрдое зерно, из которого может родиться по-двиг самопожертвования или совершенно нео-жиданная сердечность. Окружающее простран-ство кажется совсем не праздничным и благоустроенным — но душа включает его в свои границы и овеает тихой любовью...

Редко у кого из современных стихотворцев читатель найдёт такое естественное отноше-ние к повседневности: без неумеренных твор-ческих притязаний и жалоб на непонимание вдохновенной личности, противопоставления стоици и провинции, без сердитых слов в адрес толпы и гневных филиппик по отношению к чёртовой власти. Причём невозможно упрек-нуть поэта в том, что ему по душе сложившее-ся ныне положение вещей в родной стране и отечественной культуре. Просто он ощущает себя частью России и старается сохранять

всю возможную полноту русского бытия. Не освобождая себя от вины за плохое, не покора-ясь злу — но стараясь видеть и всемерно умно-жать добрые и светлые черты времени и человека.

*У солнца, у птиц, у хороших людей на виду,
не зная куда, на какую такую потребу,
по городу молча — за умного, может, сойду —
иду, а за мной — но по тихому ясному небу —*

*плывут облака.
Мы с утра подружился!. Одно
печалит, покой от этого
нет и минуты:*

*нас видят, конечно, сейчас
по отдельности, но
компанию нашу не видит никто почему-то.*

Способность к созерцанию в огромной степе-ни “вымыслас” из нашей поэзии, которая публи-цистически “приваривала перо к штыку”, а лири-ческую грусть свела к депрессии и унынию. К тому же высокое созерцание, как правило, обни-щает изменения природы, всё приземлённое не совмещается с заранее взятой приподнятой интонацией. Но стихи Перминова парадоксаль-но включают высокое и низкое в общий поток жизни. И уже потому созерцательный взгляд у него в стихах столь широк и свободен.

Важно упомянуть и о простоте, демократи-чности его поэтической речи, которая на самом деле, с точки зрения версификации, устроена достаточно изощренно. Но интонация, живой голос автора скрывают этот “литературный каркас”, и читатель воспринимает безыскусную речь поэта, не подозревая, что подобное об-стоятельство, по существу, является свойст-вом отточенного мастерства художника.

Сегодня стиль произведений Юрия Перми-нова кажется вполне сложившимся и узнавае-мым, а творческое расстояние между внешним миром, душой поэта и его рукой — коротким. То есть душа — чутка и отзывчива, а рука — послушна и легка: это свидетельство зрелости таланта, когда ему по силам большие задачи. А русская жизнь не только требовательна к своим художникам, но и наполнена нежной лю-бовью к ним. Любью, которая растворена в потоке мгновений — и не подвластна проискам тьмы.

Вячеслав ЛЮТЫЙ